

“исторического содержания волшебной сказки” как отражения обряда инициации. Рождение нового героя, изменение качества понимания мира, надо полагать, составляют основу исторической концепции произведения.

3. В контексте фольклорной традиции развивается сквозной мотив “соловьиного пения” - голоса природы, провоцирующего героев освободиться от человеческого упорядоченного быта и раствориться в стихии “естественной жизни”. “Разбойничество” уподоблено всякой страсти, подчиняющейся магии зовущего голоса. Не случайно автор акцентирует внимание на легенде кузнеца, который выковал “железные внутренности”, обращаясь тем самым к сказочному мотиву “железного горла” и указывая на “волчью” природу “лесного воинства”. Для понимания романа существенной является тема косноязычия народной культуры, которое преодолевается только пишущим человеком, поэтом.

4. В тексте романа развернута система “праздничных” мотивов, которые структурируют художественное время произведения и соотносят роман с поэтическим контекстом (от Пушкина до Блока).

Можно думать, что фольклорные мотивы, развернутые одновременно в план личной жизни и общего бытия, являются коренной формой связи исторического и лирического слоев романа “Доктор Живаго”.

Т. И. Рожкова
Магнитогорск

ШКОЛА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА. “ВОСТОЧНАЯ ” ПОВЕСТЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ ХУІІІ ВЕКА И НАРОДНАЯ СКАЗКА.

Для многих поколений художников знаменитая восточная книга “Тысяча и одна ночь” стала неиссякаемым хранилищем сюжетов, мотивов, приемов повествования, источником подражаний и переработок. Особую роль суждено было сыграть этой книге в культуре ХУІІІ века. Литературы Франции, Англии, Германии и России пережили увлечение экзотикой восточного повествовательного искусства. Известны многочисленные переиздания восточных сказок на русском языке, собраны свидетельства современников о пристрастии самой массовой читающей публики к жизни и приключениям восточных принцев и королей. Не остались без внимания историков литературы предприимчивые издатели, не пожелавшие упустить в этом деле своих выгод. Многочисленные подражания и переводы в духе

“Тысяча и одной ночи” исследовались В. П. Сиповским, А. Н. Пыпиным, А. Н. Веселовским. Расцвет восточной темы в литературе XVIII века соотносится с процессом становления жанров русской повествовательной прозы (Т. Е. Автухович, О. А. Ильин).

В этом смысле любопытны наблюдения за судьбой текста, пережившего не менее удивительные трансформации, чем герои его подражаний. Восточный колорит в “Сказке о золотой горе, или Чудные приключения Идана, восточного царевича”, изданной в Санкт-Петербурге в 1782 году, а позднее в Москве в 1790 году, разработан для литературы этого типа достаточно умеренно. Сбивающее с толку заглавие, между тем, не мешает заметить, что текст достаточно распространен в русском фольклоре. В справочнике-указателе сказочных сюжетов Аарне-Андреева в тематической группе “чудесный противник” этот тип определен № 301-“три царства: медное, серебряное, золотое”. В сборнике сказок А. Н. Афанасьева это сказки №№ 128-132, 139-142, 156 (161), 559. По некоторым деталям и подробностям повествования литературная “Сказка о золотой горе” ближе всего к народной сказке ' 129. В примечании А. Н. Афанасьев указал, что текст этот записан в Воронежском уезде и доставлен Н. И. Второвым, известным воронежским краеведом. Человек, опубликовавший приключения восточного царевича Идана, культурным предшественником которого в русской повествовательной традиции был Иван-царевич, безусловно хорошо знал национальный сюжет. Фольклоризм культуры XVIII века, заметил В. К. Чистов, основывался на бытовом или “физиологическом” знании фольклора. К фольклору не обращались, им пользовались в жизни и творчестве.

Смена типа повествования (с устного на письменный) заставила автора серьезно поправить словесный уровень текста при сохранении сюжетной основы. Можно говорить о своеобразной перекодировке, о последовательном разрушении традиционных сказовых формул и их замене на литературные клише. Сказочная условность в печатном варианте текста пополняется бытовыми подробностями, что особенно заметно в последнем повороте сюжета - служба Идана-царевича у башмачника.

На основе печатного издания в начале XIX века вышли два лубочных варианта текста. Приспособленные к иллюстрациям лубочные варианты между собой почти не отличаются, некоторая разница проявляется в деталях рисунка (шатры, наряды героев, дворцы). Русский лубок, заменявший народу в течение долгого времени книгу, опять же мог только добавить популярности сюжету.

Желание сказочников подражать литературному тексту, влияние на их мастерство старинных рыцарских романов отмечали такие собиратели русской сказки как Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, А. В. Гуревич. В текстах сказителей, под влиянием литературы, сталкиваются две повествовательные традиции, живая устная и, вновь пришедшая, книжная. Этим обстоятельством можно объяснить необыкновенную устойчивость деталей литературного повествования текста XVIII века в дальнейших народных трансформациях. Особое внимание обращает на себя работа А. И. Никифорова по облику северной русской сказки 1926 - 1928 годов. Записанные им в трех экспедициях сказки о победителе змее дают, на его взгляд, совершенно поразительную картину в сравнении со сказками о животных. Они отличаются более парадными праздничными предметами, развернуты в пространстве, в них отражены представления о городе и торговле, они хорошо знают чтение и письмо. А такие детали повествования как "медный дом", "медная ограда", собака "на медной цепи привязана", колодец с "почерпкой", "хрустальный мост", - возвращают нас к книжной традиции последней четверти XVIII века, к чудным приключениям восточного царевича Идана. В сказке "Вихревое царство", текст издан в 1934 году, повторяются те же детали литературного текста, в иркутской сказке "Анастасия золотая коса", записанной в 1967 году, сохранен характер поведения башмачника и записка героя, разоблачающая братьев.

Усложняясь контаминациями, разветвляясь по разным регионам, сюжет "чудесный противник" продолжает сохранять некогда привлекательные для него экзотические черты восточного мира.

Г. М. Самойлова
Курган

“ПРОЖЕКТОР ЗАЧИНА” КАК СТИЛЕВАЯ ОСОБЕННОСТЬ РОМАНОВ Ф. ДОСТОЕВСКОГО

А. Фет восхищался последней главой “Анны Карениной”: “Какой великолепный ревербер (прожектор) установили вы в финале романа”. Однако этот финал отказался печатать издатель Катков, ссылаясь на то, что жизненный путь героини завершен. В данном случае “фабульный” стереотип восприятия произведения вступил в